

Тайны письма из "французской" Москвы

Наверное, нет ничего на свете притягательнее тайны. Тайны, как и люди их создающие и хранящие их, бывают разными. Но те тайны, что сейчас лежат передо мною в виде восьми листов, исписанных чернилами, дорогой читатель, настолько обаятельны и значимы, что я хочу ими поделиться именно с тобой.

Продолжение, началов №28
/.../ Вдруг услышал выстрел из пушки у самого Арсенала и за оным последовал другой. Народ пришёл от всего этого в крайнее волнение. Я бросился во двор. Народ был везде - и с перед и сзади; между ими и казаки на лошадях так же не знали куда деться. Подбегаю к воротам. И что я вижу? Французская конная гвардия летит, как на крыльях мимо Комендантского дома и прямо к Николаевским воротам. Вообразите, в каком положении мы оказались! Я так напугался, что руки и ноги задрожали, через великую силу забрался в угол ворот/.../.

Читатель, мы с тобой так далеки от тех батальных сцен, но есть нечто общее на любой войне - это опасность, которая побуждает к действию. Вот, что произошло с нашим героем вскоре:

/.../ Опомившись немного, отошёл от стены и вижу двух смельчаков из солдат с ружьями, стреляющих в французов, а прочие кричали: Ура! Ура! Но французы не оставляли своего порядка, скакали с обнажёнными саблями мимо нас и, не смотря на дерзость двух наших солдат, не издали ни единого выстрела против них. Некоторые из наших сказали, что они нас не тронут, и я, надеясь на сие, вышел было из ворот, пойдя на угол улицы, чтобы пробраться в Николаевские ворота, но не успел пройти и 10 сажень, как один французский офицер выскочил из - за угла за нашим русским, который бежал ко мне на встречу с ружьём. Офицер зарубил его, и я, увидев сие, не помню, как добрался до ворот/.../.

И вновь Яков оказывается в здании Арсенала, что сохраняло вероятность опасности:

/.../ Я больше не в силах был идти и мыслить, что французы, застукав нас в таком месте, где брали орудия, чтобы поднять оное против них, не выпустят ни одного живого, а изрубят и перестреляют всех до одного/.../.

В здании царила на-

мом городе расположился корпус маршала Даву, пехота императорской Гвардии заняла Кремль. Корпуса маршала Мюрата и Понятовского старались преследовать русский арьергард. Отряд вестфальцев был расквартирован в Можайске. Нет, наш герой не мог знать этого, ему и его товарищу по несчастью тогда казалось, что вся Великая армия вошла в Москву:

/.../ Французы везде заняли дороги. С левой стороны Никитскую улицу французская колонна занимает, с правой - по Тверской - дру-

Подвиг артиллеристов.
Худ. А. Аверьянов

же Чиликину блеснула удача на спасение в виде оконного проёма с решёткой. Немногим удалось протиснуться между стальными прутьями:

/.../ Я так же, в свою очередь, пробрался к окошку, чтобы испытать последнее средство к спасению. И, хотя с крайней нуждою, пролез, оборвав пуговицы у сюртука. Соскочил на стену, со стены на вал, с вала - на землю. Всего преодолел сажень восемь и от этих прыжков так отбил себе ноги, что не сразу смог встать. Тут попался мне один московский купец, который так же за мной прыгал, но, будучи здоровее меня, помог мне подняться от земли/.../.

Постепенно армия Наполеона входила в Москву. Столица встретила завоевателей оглушительным молчанием и разящим опустением. Вот как об этом писал в своих воспоминаниях один из офицеров Великой армии - Цезарь Ложье, служивший в итальянском подразделении, входящего в состав корпуса принца Евгения Бограна: "С самого начала мы не могли отделаться от подозрительности, когда проходили по пустынным улицам или входили в покинутые дома. Было почти невозможно поверить, что за этим не скрывается ловушка. А потом, мы незаметно овладели Москвою, как будто она была построена нарочно для нас".

Французская армия, кроме избранных корпусов, кольцом расположилась вокруг столицы. В са-

носят строки его письма:

/.../ Во втором часу ночи пожаловали к нам пять человек с десятью лошадьми. Разложили огонь во дворе и, подойдя к двери, начали стучать. Но, видя, что долго не отпирают, изломали оную и пожаловали в покои. Сначала начали просить из съестного: хлеб, масло, яйца, сыр и вино, а так же, корм для лошадей. Получив всё, удалились варить себе ужин. Вскоре трое вернулись и пошли по комнатам, вытряхивая всё вверх дном. /.../ Обобравши прочих, подошли ко мне и начали меня, раба Божья, выворачивать карманы. В миг моё серебро оказалось в руках французов. Ещё был у меня в кармане маленький перочинный английский ножик - и тот отняли. /.../ Таким образом, мы с 5 сентября не знали покоя/.../.

Наступала огненная развязка московской драмы. В письме Чиликин пишет следующее:

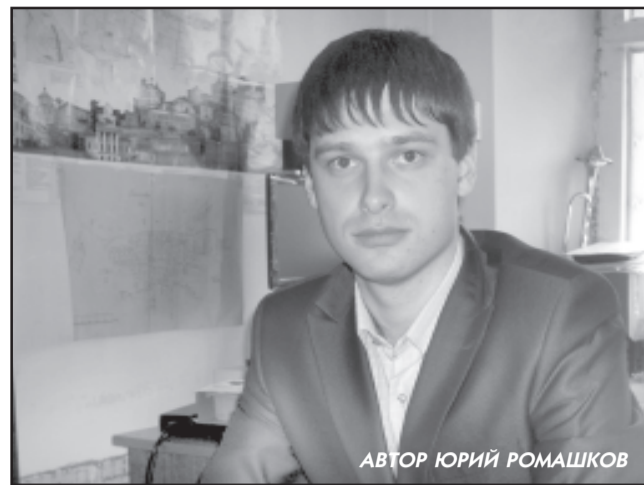
/.../ В пять часов по полудню зажгли во всех местах Москву. В одно время везде запылали: за нами, перед нами и со всех сторон. Такая ужасная картина представилась в эту ночь! Все считали, что это святое представление, к тому же поднялась такая жесточайшая буря, которая срывала с домов крыши и уносила на далёкие расстояния. Даже и к Москве - реке подступиться было нельзя/.../.

Фрагмент гравюры
«Пожар Москвы 1812 г»

что нашёл такое прибежище при таких критических ситуациях/.../.

Но на этом, дорогой читатель, история купца Якова Чиликина не закончилась. Проживая с семьёй приятеля, он не раз становился свидетелем не самым лучшим поступков французских солдат и офицеров. Вот, что до нас до-

АВТОР ЮРИЙ РОМАШКОВ

жжёт наши подошвы".

Пожары уничтожили значительную часть провиантских складов, что влекло за собой голод, особенно в среде оставшегося русского населения. С трудом добывались крохи, которыми, по словам Чиликина: "Питались до 15 сентября". На этом бы, пожалуй, мой читатель и стоило ставить точку в повествовании о несчастном купце Якове Чиликине, но случилась удача - отставной генерал русской армии Иван Акинovieвич Тутолмин, так же оставшийся в городе, принял участие в судьбе нуждающихся, которые частью собрались в так называемом Воспитательном доме. Вот как об этом пишет в письме наш герой:

/.../ Иван Акинovieвич, ещё как взошли французы, ходил к Наполеону и ходатайствовал для Дома французский караул. Наполеон был доволен, что тот пришёл к нему и велел отрядить человек 50 жандармов для охраны Дома, и уверил, что Воспитательный дом будет невредим/.../.

Наступил октябрь 1812 года. На московские пепелища пробрасывал снег, словно платком невинности украшая пло-

го, что-нибудь надо есть, и мы натаскали для себя каждый сколько мог, а к лабазам, где была мука, были поставлены часовые и нам ни крошки не давали. И мы во всё пребывание французов питались хлебом пополам с горелой пшеницею, - рыбою, которую таскали с Солёного двора, картофелем и морковью, за которой ходили за заставу (окраину города. Прим. Авт.). Столько было мучений, что и сказать нельзя/.../.

К недостатку продовольствия примешивались и бытовые трудности, что было вызвано и вынужденным соседством с завоевателями, так как французы разместили в бывшем Воспитательном Доме лазарет. Письмо доносит следующее:

/.../ и мы привыкли. Ходим по близости Дома, только боимся проклятых их понятий, хоть с нас нечего взять было им; - кто босяком, другой в оборванном платье и лаптях, даже чиновники и первоильдицы, (купцы первой гильдии. Прим. Авт.), оставшиеся в Москве, ходили в лаптях!/.../.

Вскоре, дорогой читатель, содержание письма нас с тобой вводит к следующим историческим моментам. Начинается постепенный вывод из города частей Великой армии:

/.../ Наконец, 7-го числа октября французы наши собрались и в полдень уехали, а на место их пришла их пехотная гвардия, после стали вывозить раненых. /.../ А 10-го числа в вечеру, все караулы у Воспитательного дома были сняты, и куда убралась - не знаем. /.../.

Далее строки письма освещают события, связанные со знаменитой попыткой подрыва Кремля и пожаром, охватившим памятники русской старины:

/.../ в этот вечер всем был приказ Тутолмина, чтоб никто во всю ночь не спал, а были бы в предосторожности, ибо нам известно было (да я и сам видел), как капали рвы около стен, что с Кремлём должно быть что нибудь/.../.

Окончание следует
По материалам Енисейского Краеведческого музея
Научный сотрудник ЕКМ
РОМАШКОВ Ю.В.

ды людского безумия. Тяжёлое время наступило для нашего героя и его товарищей. Вот, как он сам говорит об этом строками своего письма:

/.../ Мы ходили за Москву - реку в лабазы за горелую пшеницею для своего пропитания. Что делать? Хоть и не так вкусно, да делать нече-